

ГАЛИНА Ф. БЛАГОВА

**О переводах стихотворений императора Бабура,
сделанных А.Н. Самойловичем**

Я очень медлителен, а путь крайне далек.
Жизнь весьма коротка, и дорога длинновата.
ССИБ, стх. № 225 (перевод А.Н. Самойловича)

До конца дней, невзирая на изменявшиеся обстоятельства жизни России, А.Н. Самойлович оставался верен своей ближайшей (как он выражался) специальности – истории среднеазиатско-тюркских литератур и истории литературных языков. Изучение старинных текстов долгие годы было в центре внимания ученого¹. Еще в молодости он выработал цельную эдиционно-исследовательскую программу и соответствующую методику, которая способствует всестороннему включению в научный оборот вновь находимых им средневековых сочинений [см.: 1, с. XIV]. Богатая практическая деятельность в этой области позволила ему впоследствии заложить основы научного анализа и научного издания восточных текстов [2; см. об этом: 3].

¹ Как свидетельствуют архивные материалы – «Выписки из каталогов и замечания о рукописях, находящихся в Петербургских библиотеках» (автограф, чернилами и карандашом. 1907–1909. I + 96 лл.: РНБ. Ф. 671. Д. 141), «Выписки из рукописей, перечень названий некоторых рукописей, хранящихся в Азиатском музее и в Публичной библиотеке в Петербурге» (1907 г. 53 лл.: Д. 139) – интенсивную работу над рукописями в этих книгохранилищах Самойлович начал уже в 1907 г., продолжив ее на протяжении последующих десятилетий. На л. 22 и сл. Д. 141 перечислены те Петербургские библиотеки, с рукописями которых знакомился молодой тогда ученый, а именно: «1. Школа [нрзб.] восточных языков. 2. Университет. 3. Публичная библиотека. 4. Азиатский музей»; для выписанных Самойловичем названий рукописей приводятся их шифры. См. также: черновик статьи о тюркоязычных древностях Азиатского музея (без даты. 23 л.: РНБ. Ф. 671. Д. 143); здесь же следует упомянуть о соответствующих выписках из каталога Rieu (1909 г. 85 л.: Д. 140).

Ответ на вопрос, насколько А.Н. Самойлович успел выполнить намеченную программу, нуждается в детальной систематизации его трудов в названной области. И здесь уместно не ограничиваться публикациями, которые – особенно в послеоктябрьский период – зачастую представляли собой доклады и сообщения, обычно не большие по объему и к тому же разбросанные по различным, главным образом, периодическим изданиям, давно уже ставшим раритетными (обзор их см.: [4]). Не меньшую ценность имеют многочисленные завершенные и незавершенные рукописные работы ученого, сосредоточенные в петербургских архивах, прежде всего в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ). В настоящее время в составе тома «Избранных трудов по тюркскому языкознанию, филологии и рунике» А.Н. Самойловича (его предполагает обнародовать Издательская фирма «Восточная литература» РАН) подготовлен корпус как опубликованных, так и архивных работ ученого по рассматриваемой тематике.

При учете вышесказанного особую ценность приобретает рукописный труд ученого, который назван архивариусом «Тексты стихотворений императора Бабура и переводы их, сделанные А.Н. Самойловичем. С предисловием А.Н. Самойловича» (РНБ. Ф. 671. Д. 82. Автограф чернилами и карандашом. 612 листов); после выхода архива Самойловича из вынужденной «фазы покоя» см. упоминание об этом труде у Л.В. Дмитриевой [5, с. 294]; предварительное сообщение о содержании Д.82 см. [6; 7].

Дело в том, что во время первой поездки А.Н. Самойловича в Западную Европу (1913 г.) он нашел в Парижской национальной библиотеке не вводившуюся прежде в научный оборот рукопись *Дивана* Бабура. Существенно дополняя друг друга, Рампурский сборник поэта (в нем отражена поэзия индийского периода) и Парижская рукопись, содержащая лирику более ранних периодов, туркестанского и афганистанского, дают богатый материал для изучения литературного наследия Бабура, дотоле мало исследованного. Задачу обнародовать купно, в составе одной книги оригинальные тексты той и другой рукописей принял на себя А.Н. Самойлович. Рампурский сборник был напечатан прежде Э. Денисоном Россом в малодоступном раритетном издании [8]; заинтересованной рецензией на это издание откликнулся Самойлович [9].

Опубликовав *Собрание стихотворений императора Бабура. Ч. I – Текст (с тремя факсимиле)*², А.Н. Самойлович намеревался продолжить это издание,

² В наше время 90 газелей из этого собрания были переизданы И. В. Стеблевой [10, с. 208–297, 327]. В серии «Избранная лирика Востока» под грифом Института рукописей им. Х. Сулейманова АН УЗ ССР в 1982 г. (Ташкент) к 500-летию со дня рождения поэта был выпущен малоформатный сборник *Избранная лирика*, рассчитанный на широкого читателя (тираж – 280 тыс. экз.); перевод выполнен – Н.И. Гребневым, Р.Д. Моран, Н.А. Наумовым, Л.М. Пеньковским по подстрочникам.

подготовив «второй выпуск, который посвящается главным образом обследованию языка стихотворных произведений Бабура, вошедших в сборники», Парижский и Рампурский. Так говорится в сопроводительной записке Самойловича к «настоящему изданию стихотворений императора Бабура», включенной в состав Д. 82 (РНБ. Ф. 671. Д. 82. Л. 1, 4–5). Еще раз об этом же упоминается в *Турецких этюдах*, о которых Самойлович сказал: «Эта книжка составилась из статей, написанных мною за 1917 и 1918 годы в связи с изданием, переводом и исследованием «Сборника стихотворений императора Бабура» (Д. 82. Л. 1). «Главной частью» *Турецких этюдов* Самойлович называет: «Язык стихотворных произведений Бабура, вошедших в настоящее издание» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 2а). Уже из этих слов становится ясно, насколько тесно связаны между собой продолжающаяся работа Самойловича над ССИБ и его замысел создания *Турецких этюдов* (см. об этом также: [11, с. 44–45]).

Сопоставление приведенных двух цитат показывает, каким образом в процессе работы изменялись планы и замыслы Самойловича в отношении характера использования исследовательских материалов по части языка ССИБ: сначала, пока не угасла надежда на перспективу издания, они должны были составить II часть книги *Собрания стихотворений императора Бабура*. В условиях же 1917–1918 гг. предполагалось включить эти лингвистические материалы в большую книгу автора – *Турецкие этюды*. Как видим, ни тот, ни другой замысел осуществить не удалось. Необходимо подчеркнуть, что в сохранившемся рукописном виде обе названные работы – Переводы ССИБ (Д. 82) и ТЭ (в части нового плана: Д. 100) обнаруживают тесную генетическую близость. Об этом свидетельствуют, во-первых, дублирование в Переводах и в ТЭ трактата *Рисалэ-и Валидие* (перевод его налицо в Д. 82, и вместе с тем трактат введен в план ТЭ, как и «мелкие стихотворения Бабура»); во-вторых, наличие в Д. 82 («Предисловие»: II–IV) и Д. 100 (глава III ТЭ) частей своего рода «скрепы» – продолжающегося исследования по исторической лексикографии тюркских языков (см. об этом ниже в § 2); в-третьих, включение в состав Д. 82 плана Хрестоматии, идея которой зародилась в пору работы над ТЭ, а также отдельных материалов к Хрестоматии (см. об этом ниже в § 1); в-четвертых, выдвижение части «Язык стихотворных произведений Бабура» (вошедших в издание 1917 г.) в качестве «главной»; в-пятых, высказывание Самойловича, что ТЭ составились из статей, написанных им в 1917–1918 гг. в связи с изданием, переводом и исследованием ССИБ.

De facto «вторым выпуском» должны были стать Переводы, выполненные Самойловичем. Однако, необходимо отметить, что то ли утрачена та часть работы А.Н. Самойловича, о которой он упоминал настойчиво (дважды!) и которая должна была быть посвящена «языку стихотворений императора Бабура», то ли он только собирался приступить к ее написанию, имея в голове уже сложившийся ее план. В любом случае важно то, что следов этой исследовательской лингвистической части ССИБ нам не удалось обнаружить в архиве Самойловича – ни в фонде 671 РНБ, ни в фонде 782 ПФ АРАН.

Тем не менее, даже и в условиях отсутствия этой части, для творческой биографии А.Н. Самойловича чрезвычайно важно отметить, что работа его над изданием ССИБ не закончилась на части I – Текст, а была продолжена и почти доведена до своего завершения Переводами стихотворных произведений, содержащихся в изданных им Парижском и Рампурском сборниках. В настоящее время можно говорить о том, что *de facto* ССИБ имеет две части (или: выпуска): I – Текст (изданный Самойловичем); II – Переводы (выполнены и почти подготовлены к печати им же).

Предлагаемая статья связана с составительской деятельностью ее автора (далее – публикатор) и подготовкой к печати архивных рукописей Самойловича для тома его «Избранных трудов». Здесь же из-за завышенных объема и сложности Д. 82 мы сочли необходимым суммировать результаты многолетнего текстологического анализа этой архивной единицы, обосновать выработанные нами принципы восстановления собственно авторской рукописи и объяснить, как из многообразия собранного в ней материала производился скрупулезный отбор листов с реальными (беловыми) переводами, выполненными А.Н. Самойловичем. При этом выявились сбивчивость в пагинациях и отдельные неисправности текста Переводов; последние по мере возможности восполнялись за счет включенных в Д. 82 черновиков.

§ 1. Архивная единица хранения Д. 82: состав, объем, структура, заглавие

В начале работы над объемистой единицей хранения Д. 82 (612 л. на бумаге различных сортов, видов, формата)³ перед нами встало два следующих блока первоочередных задач, взаимосвязанных между собой:

1. разобраться в вопросах состава и объема рукописи Д. 82 в целом, а также ее структуры; уяснить, какие этапы работы А.Н. Самойловича над нею там отражены. Ответы на эти вопросы подводят нас к решению задач второго блока, а именно:
2. установить истинный объем подготовлявшегося Самойловичем труда, его структуру и заглавие, как это было задумано и в значительной мере исполнено автором.

При решении задач первого и особенно второго блока нам пришлось изменить взгляд на истинный объем рукописи Д. 82. Как оказалось, он был явно завышен усилиями архивариуса. При этом нельзя не считаться с тем фактом, обуслов-

³ А.Н. Самойлович использует бумагу разных сортов, разного формата, и соответственно на разных листах умещается разное количество материала. Много одинарных полулистов-оборотов; есть сдвоенные полулисты, с разворотом, на них написаны, главным образом, перебеленные переводы. Черновые переводы довольно часто размещаются на полноформатных двойных листах-оборотках; в последнем случае очень запутана и сбивчива пагинация таких листов, сложенных вчетверо.

ленным известными обстоятельствами (арест ученого осенью 1937 г. на отдыхе в Кисловодске и расстрел его 13 февраля 1938 г.), что Самойлович как автор был отстранен от процесса отбора того материала, который составляет рукопись его труда (т.е. от формирования Д. 82), и что этим фактически занимался архивариус, который, разумеется, не мог заменить автора.

Вопрос о составе рукописи Д. 82. В силу этих трагических обстоятельств жизни Самойловича Д. 82 представлено подборками рукописных листов; почти каждая из таких подборок имеет собственную пагинацию. Такие подборки, особенно стыкующиеся между собой, а иногда и не связанные между собой по смыслу, в Д. 82 объединены общей пагинацией.

Д. 82 открывается л. 1–5, на которых разместились сопроводительная записка Самойловича к «Настоящему изданию стихотворений императора Бабура». Записка имеет прямое отношение к публикуемому труду Самойловича и, в частности, объясняет, почему подзаголовок к изданию *Собрание стихотворений императора Бабура* снабжен римской единицей – «I – Текст». Здесь прямо говорится о «втором выпуске, который посвящается главным образом обследованию языка стихотворных произведений Бабура, вошедших в сборники» (л. 1); видимо, сюда же предполагалось включить планируемый «словарь, тесно связанный с текстом» (о необходимости составления такового см. Д. 87, л. 1а). С учетом сказанного не исключено, что в первоначальных замыслах Самойловича его перевод стихотворений Бабура мог составлять третий выпуск издания ССИБ.

Вместе с тем, «Оглавление», сообщаемое в Записке, проясняет структуру выпуска, посвященного переводу ССИБ. Оказывается, цифровая разбивка первой трети авторской рукописи на I, II, III касается лишь деления Предисловия на подразделы (но не деления всего выпуска на главы! См. об этом л. 4–5: «Оглавление: Предисловие»).

Что касается наметок к I подразделу «Предисловия» – «Судьбы литературных произведений Бабура», то впоследствии, в 20-е годы, когда автору стало ясно, что его переводы стихотворений императора Бабура не будут печататься в советской России, этот раздел, видимо, был перемещен Самойловичем в другую его объемистую рукописную работу – *Турецкие этюды*. В ней ставилась задача: «...дать сводку о литературных трудах индийского императора и набросать в кратких чертах их общую характеристику» (Д. 100, л. 27–28). Главной же частью этого обобщающего труда должен был стать раздел «Язык стихотворных произведений Бабура, вошедших в настоящее издание» (Д. 100, л. 2а). Ср. в сопроводительной записке буквально в тех же словах: «Подробности о моем издании... даются во втором выпуске, который посвящается главным образом обследованию языка стихотворных произведений Бабура, вошедших в сборники Парижский и Рампурский» (Д. 82, л. 1). Из этих явных текстуальных совпадений сам собою напрашивается вывод: один из вариантов ТЭ, более поздний («Новый план»), комплектовался Самойловичем уже тогда, когда автору стало ясно,

что ни 2-й выпуск ССИБ («Язык стихотворных произведений Бабура»), ни третий (переводы этих стихотворных произведений) не удастся издать.

Итак, сопроводительная Записка является важным документом, уточняющим замысел Самойловича относительно двух (а, может быть, даже трех) выпусков издания ССИБ; с ее помощью возникает возможность прояснить структуру выпуска, посвященного переводу стихотворений Бабура.

Кроме того, сопоставление соответствующих мест из Записки и *Турецких этюдов* показывает бесспорную генетическую связь этих двух трудов Самойловича, принципиально значимых для понимания и оценки его вклада в изучение истории среднеазиатско-тюркских литератур и литературных языков в нашей стране и за рубежом.

В других подборках рукописных листов, которыми представлено Д. 82, оказалось много материалов, к данной работе не имеющих отношения.

К числу посторонних (для данного труда Самойловича) материалов относятся следующие:

1. I. Стихотворение Андалиба⁴ о чигире – л. 89 (430) – 90 (431) и перевод стихотворения – «Восхваление чигиря» – л. 91 (432) – 93 (434);
2. II. Два хивинских стихотворения о земледельческом труде – л. 94 (435–436) – 108 (449): «сюжеты взяты из простого крестьянского быта»;
3. Выписки из сочинений на татарском языке – л. 109 (450);
4. Листок еженедельника на 16–22 марта 1919 г. с разрозненными выписками, по-видимому, из статьи Маркварта о старобулгарском языке [Изв. Р. Арх. Инст. в К-ле. XV (1911)]. На обороте листка значится: «1919 г. 15.X от А. Н. Самойловича в [слово нрзб.: счет?] долга восемьсот р. получил. Расписку обещал вернуть. Эд. Пекарский» [л. 110 (451)];
5. Черновик заключения к реферату Самойловича о состоянии современной ему среднеазиатско-тюркской литературы [л. 111 (452)], где, в частности, говорится: «...в консервативной Средней Азии кончится многовековое господство безжизненного и бесплодного, <слово нрзб.> ложноклассицизма и наступит новая эра национального реального направления по примеру западных турок-мусульман»;
6. План Хрестоматии по истории среднеазиатско-тюркской литературы (XI–XX вв.), над составлением которой Самойлович активно работал в 20-е годы (см. об этом [4, с. 107, 111]);
7. Конверт под № 62, в котором содержится Оглавление книги ССИБ и наброски к «Очерку по истории изучения среднеазиатско-турецкой литературы и среднеазиатско-турецкого литературного языка в Европе»⁵.

⁴ Андалиб – поздний туркменский поэт, упоминаемый в плане Хрестоматии (см. ниже).

⁵ О намерении написать такой очерк Самойлович сообщал в своем Предисловии к *Книге рассказов о битвах текинцев*: «В связи с окончанием настоящей работы я намерен составить очерк по истории изучения среднеазиатско-турецкой литературы и среднеазиатско-турецкого литературного языка в Европе» [1, примеч. 2 к с. XIV].

Перечисленные материалы как органически не входящие в состав авторской рукописи были исключены нами из последующего ее рассмотрения; соответственно объем рукописи должен быть сокращен на 24 л. + конверт № 62.

Вопрос о структуре рукописи Д. 82 тесно связан с другим вопросом, а именно: как и в какой последовательности Самойлович работал над своим переводом (подробнее см. § 3). В своей работе он, бесспорно, пользовался своими заготовками к изданной им части I *Собрания стихотворений императора Бабур* – отдельными листами, на каждом из которых записано по одному оригиналу стихотворного текста. Подтверждение этому можно усмотреть, в частности, и в том, что такие текстовые листы снабжены теми же сносками, которые налицо на соответствующей странице издания ССИБ. Интерес представляет ряд случаев, когда на текстовом листе сохранились сноски к тем словам, которые в рукописи или написаны неразборчиво, или имеют в своем составе описки. Между тем в издании ССИБ такие слова бывают представлены уже в исправленном виде без каких-либо оговорок, без соответствующих ссылок на их написание в рукописи (т.е. в издании отражен более поздний этап работы над текстом стихотворений, чем в текстовых листах). Примеры см. в стихотворениях № 4 (л. 278), 6 [л. 286 (101)], 7 [л. 13 (288)].

Как видно из состава Д. 82, Самойловичем отобраны из черновиков части I ССИБ текстовые листы, переводы которых им были сделаны сначала вчерне, а затем и набело. Во всяком случае, в первой части главы I, включающей в себя из 91 стихотворения (из них 89 – газели), львиную долю составляют те, для которых при перебеленном переводе сохранился и черновой вариант. Лишь 15 из 91 (№ 54–63, 66–70) не снабжены ни текстовыми листами, ни черновыми переводами, будучи представлены беловым переводом. Таким образом, можно предположить, что в некоторых случаях Самойлович, считая работу над той или иной группой стихотворений завершенной, изымал из своей рукописи соответствующие листы с текстовым оригиналом и черновым переводом как уже ненужные.

Видимо, сначала Самойлович работал над черновыми переводами ряда стихотворений, а потом, когда их набиралось достаточно много, приступал к переписыванию переводов набело (см. об этом «§ 3. Как А.Н. Самойлович работал над “Переводами”»). На это может указывать, во-первых, другой сорт бумаги для перебеленных переводов – желтоватые сдвоенные листы, имеющие собственную (авторскую!) пагинацию в верхнем правом углу листа⁶. Во-вторых, в этой авторской пагинации не учтены ни текстовые листы, ни черновые переводы. Из этого становится ясно, что Самойлович, естественно, не предполагал включать ни те, ни другие в беловик своей работы, рассматривая их как подсобный

⁶ Своеобразие верх. паг. состоит в том, что номер присваивается лишь одному, первому из сдвоенных листов; для второго из них номер подразумевается и поэтому учитывается в присвоении очередного номера первому из последующих сдвоенных листов (так, например, проставляются л. 60, 62, а 61 подразумевается и т.п.).

материал (см. наличие отдельной пагинации, впоследствии зачеркнутой). И это понятно, поскольку тексты стихотворений уже были изданы Самойловичем.

Между тем, архивариус «навел свой порядок» в авторской рукописи: по мере возможности черновики вместе с текстовыми листами (невзирая на имевшуюся их пагинацию, которая им была зачеркнута) были разложены по соответствующим перебеленным переводам. Таким путем был не только сильно (почти вдвое) увеличен объем этой части работы, но также возникли искусственные перерывы в верх. паг. – за счет вложения в рукопись не просчитанных в ней двух (а то и трех – в зависимости от объема стихотворения) листов. Это обстоятельство архивариусом не принималось во внимание: он провел свою, сквозную пагинацию (нижн. паг.) всех этих листов подряд (т.е. беловика, черновика, текстового листа).

Тем самым была нарушена авторская воля и соответственно – структура авторского труда; в конечном итоге был сильно завышен истинный объем труда. В то же время нельзя не отметить, что проделанная архивариусом работа создает определенные удобства для публикатора: весь материал, касающийся «внутренней истории» перевода данного стихотворения, находится под рукой, облегчая наведение справок при любых неисправностях перебеленного перевода.

С учетом сказанного публикатор, следуя авторской воле, исключает из состава авторской рукописи, во-первых, все текстовые листы и, во-вторых, черновые переводы – кроме тех, которые были использованы нами в немногочисленных случаях отсутствия перебеленного перевода вовсе или пропусков в нем отдельных полустихий (слов, выражений) с намерением последующего вписывания, а оно по тем или иным причинам выполнено не было. В результате получилось значительное сокращение объема авторской рукописи – на целых 130 листов; это при том, что перебеленные переводы 15 стихотворений оказались не снабжены черновиками и текстовыми листами.

Еще одним «источником» прироста листажа рукописи Д. 82 является такая особенность пагинации архивариуса (нижн. паг.), как включение в нее листков с авторскими сносками вопреки тому, что Самойлович их не включал в свою пагинацию из-за подсобного характера, малой заполненности листа, иногда даже полного отсутствия текста (пустой лист с нумерацией отсутствующих сносок). Так, сноска к л. 9, текст которой отсутствует, т.е. фактически это пустой лист, обозначена в нижн. паг. как л. 17; тем самым формально восполнен номер листа, который содержательно отсутствует в авторской рукописи. К сноскам к л. 22 (25) сбоку слева проставлено: л. 24. Сноски к листам 23 и 24 (верх, паг.) на обороте помечены: л. 27 (52). Сноски к л. 253 (31), 254 (32) обозначены как л. 19 (30); сноски к л. 32а, 33г (= 32г) – как л. 50 (66); сноски к л. 44 – как л. 30 (65). Пустой лист, озаглавленный Самойловичем как «Сноски к л. 37 и 38», в нижн. паг. обозначен как л. 54. Далеко не полный перечень таких произвольных нумераций листов авторской рукописи, тем не менее показывает необоснованный прирост листажа ее, по крайней мере, на 7 листов.

Не просчитанное нами сокращение листажа авторской рукописи Переводов идет также за счет того, что в верх. и нижн. пагинациях нередки случаи самостоятельной нумерации, во-первых, пустых листов. во-вторых – листов малой заполненности текстом.

В соответствии с произведенными уточнениями состава, структуры и объема авторской рукописи заглавие ее должно читаться не так, как значится в архивном описании Д. 82: «Тексты стихотворений императора Бабура и переводы их, сделанные А.Н. Самойловичем. С предисловием А.Н. Самойловича», а гораздо короче: «Переводы стихотворений императора Бабура, сделанные А.Н. Самойловичем. С предисловием А.Н. Самойловича».

Итак, в авторской рукописи, составляющей ядро архивной рукописи Д. 82, – за вычетом этих цифр прироста количества листов, санкционированного архивариусом, а также листажа постороннего материала – остается по большей мере 451 л. (минус конверт № 62), а не 612 л., как это числится в архивном описании РНБ фонда Самойловича.

§ 2. О структуре авторской рукописи «Переводы стихотворений императора Бабура».

В результате обследования Д. 82 структура авторской рукописи вырисовывается в следующем виде.

Обширное Предисловие, состоящее из четырех подразделов. Подраздел I – вводный: кратко о Бабуре и его литературном творчестве. Листы с началом подразделов как II, так и III утрачены. Рубрикация восстанавливается нами на основании следующих фактов. Во-первых, в Предисловии сохранились осколки рубрики – это подразделы I и IV. Во-вторых, судя по «Оглавлению» (см. Сопроводительную записку) в Предисловии обозначены подразделы «II, Описание сборника Парижской Национальной библиотеки» и «III. Содержание сборника Рампурского навоба». В публикуемом Предисловии материал содержательно укладывается именно в такую рубрику. В самом деле, во II-III подразделах Самойлович приводит – в соответствующем контексте – целый ряд тех стихотворений из обоих сборников (в подразделе II – из Парижского, в подразделе III – из Рампурского), которые частями или полностью вошли в *Бабур-наме*, и поэтому были известны востоковедам до открытия того и другого сборников; обо всем этом он прямо говорит в начале подраздела IV Предисловия (см. ниже).

В составе Д. 82 удалось обнаружить начальный фрагмент одного из вариантов подраздела II, который приводится ниже: он важен для уяснения исследовательской логики работы Самойловича над планом и структурой Предисловия. См.: «II – О персидских произведениях Бабура. Из автобиографии Бабура, из сборников его произведений и из других источников нам известно, что император

Тимурова рода сочинял стихи не только по-турецки (но и по-персидски)⁷, как поступали все выдающиеся современные ему поэты турецкой национальности. По-видимому, персидских стихов у Бабура было немного, и ни он, ни его почитатели не выделяли их в особый сборник. В настоящей главе я собрал доступные мне персидские стихотворения Бабура в дополнение к тому, что вошло в оба изданных мною сборника его турецких стихов»⁸ (эту главу обнаружить нам не удалось).

В подразделе IV собраны цитаты из стихотворений Бабура, использованные в чагатайских словарях (не изданном еще тогда Санглях, а также в Абушка, чагатайско-османском словаре шейха Сулеймана Бухарского, «восточнотюркском» словаре Паве де Куртейля). Этот последний подраздел Предисловия завершается листом 67 (84), где проставлен только подзаголовок «Сомнительные стихи “Записок” Бабура». (О неисправности текста в этом месте см. ниже.)

Таким образом, Предисловие в основном посвящено вопросам атрибуции цитат из стихотворений Бабура и критике текста, а также анализу иллюстративного материала в ряде названных чагатайских словарей. Все это наводит на мысль о тесной связи Д. 82 («Предисловие: II–IV») с одним из вариантов плана ТЭ, в рамках которого Самойловичем была написана глава «III. Среднеазиатскотурецкие поэты, цитруемые в двух словарях “Абушка” и в словаре Шейха Сулеймана». Фактически эти два *opus'a* сочленены тематически и методически единой разработкой тех проблем исторической лексикографии тюркских языков, которые остаются малоизученными до настоящего времени.

Основную часть работы Самойловича составляют переводы стихотворений Бабура. Они размещены в строгой последовательности с учетом их принадлежности к тому или иному сборнику – именно так, как это дается в книге *Собрание стихотворений императора Бабура*, – сначала следуют стихотворения Парижского сборника, затем – Рампурского; нумерация стихотворений соответствует сплошной нумерации их в книге. Самойлович намеревался перевести полностью стихотворения обоих сборников.

⁷ В своих выписках из *Бабур-наме*, 1915 г., Самойлович поставил вопрос: «Бабур говорил обыкновенно по-персидски? ср. <Вев.> 334а» (РНБ. Ф. 671. Д. 85. Л. 58).

⁸ Приведенный текст размещен на не нумерованных А.Н. Самойловичем листках-четвертушках с подзаголовками «Сноски к стр. 32–33» и «Сноски к стр. 32а и 33г» (в нижн. паг. они обозначены как л. 44 (69) и л. 50/66), а также на пустых листах с подзаголовками «Сноски к стр. 37 и 38» и «Сноски к стр. 44». Упоминание о персидских стихах имеется также на л. 255 (77/34). Теме персидского влияния уделено место на первых листах Д. 87 (РНБ. Ф. 671): «Стихи Бабура свидетельствуют о разгроме, нанесенном турецкому языку в Средней Азии на протяжении предыдущих столетий XI–XV (5 веков) персидским и арабским языком» (Л. I). «Каково отношение Неваи и Бабура к Хафизу, Дехлави <нрзб.>? Среднеазиатские и османские турки испытали такое же персидское засилье, как русские – немецкое. Несомненно, и те, и другие турки бессознательно под персидским влиянием смотрели на турецкую массу как чужие ей. У Бабура и Неваи «турок» Хафиз» (РНБ. Ф. 671. Д. 87. Л. 1).

В Парижской рукописи переведены набело все стх. с № 1 по № 91 включительно (f. 1a–30b, кроме № 65 и 82, для которых имеются черновые варианты). Эти стихотворения (за исключением четверостишия № 27 и двустишия № 28) – газели – состоят из 5–7 (изредка более) двустиший.

Таким образом нам удалось вычленилть из рукописи объемом в 612 листов значительную часть перебеленного перевода ССИБ. При этом важно подчеркнуть целенаправленность переводческой работы Самойловича: беловик монолитен, охватывая стихотворения №№ 1–91 (кроме № 65, 82). Установленный факт имеет принципиальное значение, поскольку вносит существенные коррективы в архивное описание рукописи Д. 82 как «черновика работы»⁹. Последние 20 листов Парижской рукописи, начиная с № 92 (f. 30b) вплоть до ее окончания (т.е. № 224: f. 50a) заполнены, в основном, малыми стихотворными формами – двустишиями и четверостишиями; по своему объему и жанру исключение представляют № 198 (13 двустиший), № 200 и 203 (по 7 двустиший), № 201 (12 двустиший), № 204 и 205 (по 5 двустиший). Эти последние 20 листов (f. 30b–50a) в авторской рукописи представлены преимущественно черновыми переводами (см., например № 92: 30b – № 112: f. 34a). Непереведенным остался № 136; в отдельных двустишиях остались без перевода то или иное полустишие или же часть полустишия, как, например в №№ 160, 183–184; см. также № 201.

Неисправностей текста в авторской рукописи Д. 82 насчитывается большое количество, начиная с Предисловия. Обзору наиболее значительных из них посвящен § 4.

По описанию Самойловича, которое имеется в его рецензии на издание Э. Денисона Росса [8, с. 094, 095; 097, 099], Рампурский сборник сравнительно небольшой: в нем «под текстом <факсимиле> 38 страниц; на странице по 13 строк» арабицей, почерк *наسخ*; сборник распадается на три части.

Первая часть занята переводным религиозным трактатом в форме месневи *Рисалэ-и Валидие* № 225 (состоит из 241 стиха т.е. бейта, двустишия). Вкратце творческая история *Рисалэ-и Валидие* такова. В год 933 (1526–1527) Бабур, «очистившись от прошлых прегрешений, ...закалялся пить вино» (Bev. 312a). Однако «тоска земного владыки о праведной жизни» усугублялась тоской по вину, которая доводила его, по собственному признанию, чуть ли не до слез. Поэт-император «с полной решимостью постучался в двери раскаяния, чтобы вырвать из сердца корни прегрешений» (Bev. 313 a) – по обету он занялся стихотворным переложением на тюрки суфийского трактата *Рисалэ-и Валидие*, написанного в свое время Ходжа Убейд Аллах Ахраром на персидском языке. Исполнение обета помогло

⁹ Л.В. Дмитриева впервые обнародовавшая обзор рукописного наследия Самойловича, сообщает о Д. 82: «Черновик работы, содержащей тексты стихов “Дивана” Бабура, их перевод и предисловие к работе, – без даты, 605 лл.» [5, с. 294]. В описании фонда А.Н. Самойловича РНБ. Ф. 671) числится 612 л., что соответствует действительности.

Бабуру – «беспокойство духа, слава Аллаху, совершенно улеглось» (Bev. 360б; здесь и выше использован перевод М.А. Салье: БН 1958, с. 358, 359, 411).

Стихотворный трактат Бабура Самойлович перевел почти полностью, но эта работа осталась далека от завершения: судя по широкому использованию карандашных записей, многое в переводе не удовлетворяло его. Чернилами, четко и ясно, без помарок (карандашных исправлений немного) написан перебеленный перевод на листах 124 (464) – 137 (477). Большая же часть трактата, размещенная на л. 138 (478) – 161 (501), представлена черновым переводом, выполненным карандашом. Естественно, что в этом черновом переводе, выполненном карандашом, скорописью, особенно много карандашной правки, много недописанных словоформ, окончания которых неудобочитаемы; неразборчивы в ряде случаев отдельные слова. Довольно часто оставлены места для последующего вписывания переводов отдельных слов и выражений [например, л. 158 (498), 159 (499), 160 (500), 161 (501)], а также, например двустишия [л. 143 (483)].

Говоря о главной части *Рисалэ*, озаглавленной *رساله شروعي*, Самойлович в рецензии 1911 г. замечает: «При переводе этой части весьма желательно иметь под рукой персидский оригинал Ходжи Ахрара, – если только он имеется в современных библиотеках, о чем издатель ничего не сообщает» [9, с. 096]. К сожалению, и А.Н. Самойлович в свою очередь умалчивает, был ли он оснащен персидским оригиналом в своей работе над переводом *Рисалэ*. В этих условиях подобное умолчание может навести на мысль, что оригинала трактата Ходжи Ахрара в петроградских библиотеках не нашлось и что, следовательно, работа переводчика сильно осложнилась в самой ответственной ее части, о чем свидетельствует отсутствие перебеленного перевода ее. Следует учитывать также, что религиозно-мистическое содержание *Рисалэ* требует обширного специального комментария. Необходимо считаться и с фактором авторской воли: в соответствии с «новым планом» ТЭ Самойлович включил в состав III раздела этой большой незавершенной работы «§ 4. Мистический трактат Рисалэ-и Валидие» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 2а).

Принимая во внимание все сложности, связанные с переводом суфийского трактата *Рисалэ-и Валидие*, мы отказались от мысли печатать этот религиозный трактат в составе Части II – Переводы ССИБ. В этом решении нас утвердила и консультация А.А. Хисматулина, автора монографии *Классическое суфийское сочинение Кīmīйа-йи са'āдат («Эликсир счастья») Абū Хāмида Газāлī ат-Тусī*; ему мы приносим благодарность за внимательное ознакомление с переводом *Рисалэ-и Валидие*, выполненным Самойловичем.

Вторая часть Рампурского сборника «начинается весьма интересным месневи, которое можно озаглавить: “Тоска земного владыки о праведной жизни”» (№ 226; состоит из 41 стиха), а заканчивается стихотворением № 260, которое среди переводов Самойловича имеет единственную в своем роде помету без комментария – «То же». Эта часть также переведена Самойловичем, можно сказать, полностью. Третья часть Рампурского сборника «начинается месневи в восемь стихов <№ 261>, которое имеется в Записках (Ильм. 405, Bev. 312а); в обоих

изданиях имеется первый стих, отсутствующий в сборнике); далее идет 1 рубаи турецкое, 1 – персидское, 1 – турецкое» и заканчивается четверостишием [9, с. 097, 098]. Таким образом, оказывается, что непереуведенными из числа стихотворений Рампурского сборника у Самойловича остались по одному персидскому и турецкому рубаи, а также заключительное четверостишие.

Заметен разный уровень подготовленности переводов из этих двух сборников; см. об этом подробнее в § 4. Неисправностей текста в авторской рукописи Переводов насчитывается довольно большое количество, начиная с «Предисловия». Обзору наиболее значительных из них посвящен § 4.

§ 3. Как А.Н. Самойлович работал над Переводами

В черновых материалах к работам о творчестве Бабура А.Н. Самойлович писал: «И перевод может быть 1) студенческим, 2) магистерским, 3) докторским (Томсен!)» (РНБ. Ф. 671. Д. 87. Л. I); там же он высказывается за «точный филологический перевод с установлением возможного однообразия в передаче терминов, оборотов и выражений».

Его переводы – это, бесспорно, образчик профессорского перевода: в них сконцентрированы знания Самойловичем изучаемой эпохи с ее реалиями, нравами и повадками, знание среднеазиатско-тюркской литературы средневековья и во всех тонкостях – автобиографических Записок Бабура, истории его царствования. Самойлович переводил во всеоружии накопленных им знаний, опыта эдиционно-исследовательской работы над памятниками тюркского средневековья и в полном соответствии с теми критериями перевода, которые он сформулировал в своей рецензии *Новый <английский> перевод Записок Бабура* [12, с. 77–78 и сл.], см. также [13, с. 74–75].

Естественно, что все это сказалось на переводах, их качестве. Один частный пример. Обычно предметом воцделений и воздыханий поэта переводчик выставлял образ красавицы [см.: 10]. Самойлович в соответствии с автобиографическими данными БН и переводимых стх. (см., например, № 38 «Что сообщил пушок на лице друга»), твердо придерживается убеждения, что это не красавица, а красавец¹⁰, и при этом он не боится принизить образ венценосного поэта грешными его страстями: для ученого важно соответствие его переводов исторической действительности.

Обширные и глубокие познания Самойловича не освобождали его от скрупулезнейшей работы над переводом каждого стх. При учете состава и структуры Д. 82 с большой долей уверенности можно говорить о том, что перевод,

¹⁰ В событиях года 905 (1499–1500), рассказывая о своем первом браке – женитьбе на давно просватанной за него Аиша Султан биким, Бабура говорит и о своей «необыкновенной склонности» (в возрасте 16 лет) к юноше по имени Бабури (Вев. 75а-б; перевод: БН 1958, с. 91).

как правило, не выполнялся сразу набело – обязательны были первичные, черновые варианты, которые подвергались затем существенной правке. Интерес в отношении того, как оттачивал Самойлович свои переводы, представляют перебеленные № 31 «Увлечение друга» [л. 44 (322) – 45 (323)] и № 29 «Осенняя песня» [л. 41 (318) – 43 (320)], наряду с которыми имеются сильно правленные их черновые варианты с первоначальными заголовками – л. 321 «Несчастье с коварным другом» (второй вариант заглавия – «Друг побежден», а принят, как видим, третий его вариант) и л. 118, 116 «Влюбленный, что осенний лист».

Характерно, что черновики авторской пагинации не имеют; из этого можно предположить, что Самойлович делал переводы стихотворений не в строгой их последовательности (по номерам), а выборочно, так сказать, «по наитию».

Перебеленные переводы, каждый под своим номером, совпадающим с номером соответствующего чагатайского текста в издании ССИБ, связаны между собой не только последовательностью нумерации, но также особым сортом бумаги, на которой они написаны, особой ее нарезкой (сдвоенные желтоватые полулисты) и, кроме того, собственной (авторской) пагинацией. Все это может свидетельствовать о том, что переписывание переводов набело было самостоятельным этапом работы. Видимо, перед этим Самойлович заново пересматривал «отлежавшиеся» черновики и на свежий взгляд делал необходимую правку. При этом он вписывает карандашом (если черновик выполнен чернилами) те места, которые его не удовлетворяют, либо волнистой линией (курсив) подчеркивает неудачно (по его мнению) подобранные слова, выражения перевода¹¹. Таким образом, карандаш и курсив несут каждый свою функциональную нагрузку в переводах Самойловича. Случалось, что в черновом варианте оставались без перевода полустиишия, а то и целые двустиишия.

Как правило, все это выправлялось в перебеленном варианте, где иногда саморедактирование перевода бывало продолжено. Пример грамматической замены особенно ярко представлен в газели № 1, на всем протяжении которой изменена аспектуальная характеристика глагольной рифмы: вместо *не нашел* (в черновике) принято *не находил* в перебеленном варианте.

Часты лексические замены (оказиональные синонимы), например в № 58 курсивное «к струнам» заменено: «к волосам»; в № 24 курсивное «очевидного друга» – на «ясного друга»; в № 29 «весело-болтлива» – на «шутлива». Впрочем, иногда слово лишалось курсива и без лексической замены, как, например в № 31: «состояние влюбленного». Лексические замены используются наряду с грамматическими, например, в № 25 «О приятели! [зачеркнуто: друзья]. Если захотите [зачеркнуто: хотите], увидите [зачеркнуто: посмотрите на] меня во сне». Замена

¹¹ Иногда Самойловича не удовлетворял буквализм перевода, и он оставлял место для последующего вписывания пока еще не найденного им эквивалента в перебеленном варианте. См. в № 48 «Я умер, о Бабур, с желанием...» (отточием обозначено место, оставленное для последующего вписывания), а в черновике л. 382/197 находим буквальный перевод: «кружиться вокруг его головы».

слов может соединяться с изменением порядка слов в предложении, например, в № 29: черновик «*Увидев, смилуйся, о тюльпанощекая, над этим моим желтым лицом!*», беловик: «*Взгляни, о тюльпанощекая, смилуйся над этим моим бледным лицом!*» и еще пример – в черновике «*Хотя я явился, словно осенний лист из сада мира*» – в беловике «*Хотя я, как осенний лист, унесся из сада мира*» (там же). Можно говорить, таким образом, о семантической вариативности не только словесного, но и художественного выражения в черновых и перебеленных переводах А.Н. Самойловича.

Особенно часто можно наблюдать изменения порядка слов в предложении; см. например: № 27, 35₈, 44₃, 83₁; замену одной синтаксической конструкции посредством другой см. № 91 (первое двустипшие). Для того чтобы получить представление о редакторской правке Самойловичем его перевода, следует обратиться к газели № 1, приводимой в «Предисловии» (подраздел II), видимо, в черновом варианте, и в начале главы I, где можно прочесть ее перебеленный перевод.

Предпринятый ученым перевод подразумевал глубинное осмысление каждого из стихотворений №№ 1–91 (а это в подавляющем большинстве газели). А.Н. Самойлович снабдил почти все такие стихотворения составленными им заголовками, стремясь при этом обобщить содержание (иногда для этих целей перефразировались слова Бабура из этого стх., реже использовалась цельная стихотворная строка). Довольно часто составление заглавия происходило на стадии перебеленного перевода, иногда – на стадии черновика, и в этом случае заглавие в перебеленном переводе могло и видоизменяться. Например: № 32 «*Лепет влюбленного*» первоначально называлось «Упорство в несчастной любви»; № 37 «*Миг наслаждения*» сначала называлась «Лови момент радости»; № 38 «*Что сообщил пушок на лице друга*» – «Страдание из-за друга приятно»; № 41 «*Гусли (игра словом “чанг”)*» – «Чанг и когти»; № 42 «*Стихи влюбленного – стоны соловья*» – в черновом переводе «Покорность судьбе страждущего влюбленного» (в перебеленном переводе зачеркнут промежуточный вариант заглавия: «Покорность жестокой судьбе»); № 43 «*Сравненья влюбленного*» – «Любовная песня»; № 51 «*Где друг!*» – «Угроза сопернику»; № 45 «*Разглашенная тайна*» – «Молчаливое страдание влюбленного»; № 46 «*Приглашение в Кабул*» – первоначально «Желание видеть друга в Кабуле»; № 48 «*Посмертное желание*» – «Умершее сердце»; № 73 «*О если бы!*» – первоначальное заглавие «Раскаяние в любви». Иногда изменения в заглавии носили характер интонационный, см., например, изменение в знаках препинания: № 47 «*Зачем жить!*» – первоначально «Зачем жить?», изменения актуального членения (порядка следования слов в предложении: № 49 «*Трудно найти розу без шипов*» – в черновом переводе «Найти розу без шипов трудно»; № 50 «*Не стоит любить!*» – «Любить не стоит!»).

Приведем номера стихотворений, переводы которых получили заглавия при переписывании их набело: № 52 «Сети любви», № 53 «Турок-виночерпий», № 64 «Кажется, показывается...», № 71 «Отрезвись!», № 72 «Вероломство друга», № 74 «Соперники – шипы на розе», № 75 «Песенка влюбленного», № 76 «Мир за друга!»

<т.е. «Вселенную за друга!>», № 77 «Наставлень», № 78 «Пожелания», № 79 «Слезы влюбленного», № 80 «Любовь и безумие», № 81 «Испытания влюбленного», № 82 «Бесполезное изнурение», № 84 «Жестокости и вероломство в обычае красавцев», № 85 «Лето», № 86 «Будь налегке!», № 87 «Призыв к веселию», № 88 «Голос опыта», № 89 «Желанья влюбленного», № 90 «Похищенье сердец», № 91 «Мольба влюбленного». № 83 остался без заглавия как в черновике, так и в перебеленном переводе. Начиная с № 92, Самойлович отказывается от своей идеи (ее он строго придерживался в отношении стихотворений № 1–82, 84–91) придать заглавие переводимым стихотворениям, невзирая на их объем и жанр.

Изредка Самойлович вводит в свой перевод поясняющие слова, которых нет в оригинале стих.; такие слова он заключает в круглые скобки. К примеру: «Что бы ни постигло мою голову в любви к нему, (я только скажу:) судьба!» (№ 42); «(Те) два базилика (локона) розы (лица)» (№ 44).

Для того чтобы облегчить читателю соотнесение перевода и оригинала, кое-где даются указания на соответствующий лист Парижского или Рампурского сборника. Спорадически указывается на размер, в котором данное стих. написано, а иногда – и на номера других стих., в которых применен этот размер. Здесь же – в сносках – сообщаются сведения об использовании данного стихотворения либо в БН, либо в чагатайских словарях.

Что же касается Рампурского сборника, то Самойлович набело перевел треть трактата *Рисалэ-и Валидие*, которым открывается сборник: перевод переписан четко и ясно чернилами, отдельные фрагменты – карандашом (т.е. предполагал еще возвращаться к карандашным, черновым записям). В Рампурском сборнике это единственное произведение, оснащенное собственным заглавием.

Перевод стихотворений этого сборника (записи карандашом на сдвоенных больших листах, с обеих сторон) выполнен в черновом варианте.

Применительно к стихотворениям Рампурского сборника Самойловичем строго соблюдается отказ от оснащения их заголовками, хотя, например, для месневи № 226 (оно непосредственно следует за *Рисалэ-и Валидие*) у переводчика очень подходящий заголовок был заготовлен еще с 1911 г. В рецензии на издание Рампурского сборника Самойлович писал о «весьма интересном месневи, которое можно озаглавить “Тоска земного владыки о праведной жизни”» [9, с. 097]. Отказ от дополнительных усилий по обобщению содержания каждого из стихотворений при их озаглавливании, возможно, знаменует собой новый этап работы над Переводами: по всей вероятности, Самойлович признавал, что время для дальнейшего скрупулезного труда над рукописями уже уходит и надо торопиться успеть.

Разный уровень подготовленности переводов стихотворений Парижского сборника, с одной стороны, и Рампурского – с другой, заметно сказывается на неодинаковой степени исправности авторского текста в подразделах II и III Предисловия. В подразделе II, где рассматриваются стихотворения, так или иначе использованные в БН, не наблюдаются пропуски в переводах. Напротив, в подразделе

III (использование стихотворений Рампурского сборника в БН) весьма часто бывает оставлено место (по пол-листа пустых) для последующего вписывания перевода; в ряде же случаев проставляется الخ (сокращение от آخر الى 'и т.д.') – так на л. 32 (43/68) при ссылке на № 233, на л. 30 (41/60) при ссылке на № 229, на л. 29 (40/59) – 30 (41/60) при ссылке на № 228, на л. 32а (46/65) при ссылке на № 236. Само использование этого сокращения в тексте приводимого примера указывает на то, что читателю не следует ждать перевода того или иного фрагмента текста.

Уже этим обусловлено довольно большое число неисправностей авторского текста; см. в подразделе III (л. 30, 32, 33, 32а, 32г, 32в).

А.Н. Самойлович, возможно, стремился в известной мере воссоздать ритмический рисунок переводимых стихотворений, для чего пользовался полногласными и краткими написаниями, например предлогов *через* и *чрез*, *перед* и *пред* (№ 146), а также отвлеченных существительных вроде *желание* (№ 226), *пожелания* (№ 78) и *желанья* (№ 89); *терпение* (№ 79, 87) и *терпенье* (№ 139, 249); *страдания* (№ 82, 241) и *страданье* (№ 134); см. в составе № 85 *наслаждения* и *наслажденья*; см. также *наставленье* (№ 77), *похищенье* (№ 90).

§ 4. Неисправности текста авторской рукописи Переводов и его пагинаций

Неисправности авторского текста и переводов в Предисловии

1. Подраздел I Предисловия завершается л. 8б, на нем значится: «Персидский подлинник гласит» и оставлено место для последующего вписывания. В настоящем своем виде подраздел I слишком краток, между тем как согласно «Оглавлению» (см. «Сопроводительную Записку») этот подраздел должен был иметь подзаголовок «Судьбы литературных произведений Бабура». Вполне вероятно, что в 1919 – начале 20-х годов Самойлович мог механически изъять из подраздела I соответствующую часть текста и переместить ее в ТЭ. При этом следует учесть факты пагинации: подраздел I в Д. 82 завершается листом 8б (16), а подраздел II открывается листом 19 (18/27), обрывком фразы («<...> Бабура»). Таким образом, обрывом текста оказались задеты оба начальных подраздела Предисловия.

В утраченном начале подраздела II предположительно (опираясь на упомянутое «Оглавление») могли излагаться некоторые общие принципы «критики текста в связи с цитатами из стихотворений Бабура». Не исключено также наличие там первоначально кратких сведений о Парижском сборнике¹²,

¹² Во всяком случае, на листе, который судя по авторской пагинации – л. 8 (88/429), возможно, имел отношение к подразделам I-II «Предисловия», нанесены карандашом черновые заметки и в числе их следующая: «Диван Бабура, по устному сообщению Блоше, куплен <Парижской> Национальной библиотекой лет семь тому назад у одного англичанина, служившего в Индии» [Д. 82. Л. 8 (88/429)].

ибо к рассмотрению стихотворений этого сборника Самойлович переходит ниже.

Римская цифра II, сигнализирующая о начале соответствующего подраздела <Цитаты из стихотворений Парижского сборника в «Бабур-наме»>, восстанавливается нами в результате анализа структуры Предисловия (см. об этом выше).

2. В составе Д. 82 имеются листы 5–7, на которых размещен текст, касающийся газели № 1, и ее перебеленный перевод полностью. По известной причине листы эти оказались отнесены архивариусом к другой пагинации (см. нижн. паг. 85/426–87/428). Между тем они существенны для анализа газели № 1 и поэтому в соответствии с их смыслом включены нами в состав авторской рукописи, а именно в начало л. 20 между рассмотрением газели № 1, с одной стороны, и газели № 15, с другой.

3. Обрыв текста фиксируется содержательно и соответственно прерывностью пагинаций, авторской (верх.) и нижн.: после л. 26 (35/72) сразу следует л. 28 (39/71). Утрачен, по-видимому, лист 27, содержащий некоторые сведения о специфике Рампурского сборника.

Опираясь на проведенный выше анализ структуры Предисловия, восстанавливаем римскую цифру III, сигнализирующую о том, что здесь представлено продолжение его подраздела III.

4. В подразделе III многие стихотворные цитаты из БН (с соответствующим контекстом) у Самойловича оставлены без перевода. В составе «Переводов», подготовленных для тома «Избранных трудов», такие пропуски перевода по мере возможности восполняются за счет переводов, выполненных М.А. Салье (БН 1958). См. такие пропуски переводов: л. 30, 32, 33, 32а, 32б.

Вместе с тем из-за несоответствий в пагинациях (см. об этом ниже) приходится подчеркнуть особо, что между подразделами III и IV лакуны нет, хотя III заканчивается листом 32б (48/64), а IV начинается листом 34 (55/28). Во всяком случае, все примеры цитирования стихотворений Рампурского сборника в БН, которые были отмечены Э. Денисоном Россом, действительно приведены Самойловичем в подразделе III.

5. Л. 35 в подразделе IV утрачен: налицо явный обрыв текста, который не замечен и, естественно, не учтен поздней, нижн. паг. – в ней перерыва нет, см. л. 34 (55) и л. 36₂ (56). В том же подразделе замечен и обратный случай: пропуск, казалось бы, двух листов в нижн. паг. при соблюдении строгой последовательности в верх. паг. – за л. 43 (64) следует л. 44 (67), при этом какой-либо неисправности в тексте не наблюдается.

6. Пропуски переводов к цитациям из БН часто наблюдаются и в подразделе IV; см., например следующие листы: л. 47, 48 (в последнем случае в чагатайском тексте цитируемого стх. ССИБ недописаны отдельные слова и словоформы), 49, 50, 54 (в последнем случае отсутствует и текст рубаи, а для вписывания текста и перевода оставлена пустой большая часть листа), 55 (пропуски в тексте стихотворного отрывка, так и в ССИБ, соответственно отсутствие перевода), 58

(оставлено место для последующего вписывания трех двестишестидесяти девяти), 59 (для последующего вписывания перевода очень большого фрагмента текста оставлены пустыми половина л. 59, а также л. 60–61, которые в нижн. паг., естественно, не нумеруются), 62, 64 (для последующего вписывания перевода оставлены место на л. 64 и пустой л. 65, который не учтен в нижн. паг.), 66.

7. В верх. паг. налицо пропуск л. 51, а как л. 53 помечен пустой лист.

8. В середине л. 67 (84), свободного от других записей, проставлен заголовок «Сомнительные стихи “Записок Бабур”» [упоминание о «разряде сомнительных» стихов см. выше – л. 63 (81)]; видимо, предполагалось, что это будет заголовок специального подраздела «Предисловия». Материалы к этому подразделу не сохранились. По всей видимости, листом 67 (84) и завершается подраздел IV: выявление и подбор «сомнительных стихов» в *Записках* Бабур остались нереализованным замыслом А.Н. Самойловича.

9. Между последним, IV подразделом [он занимает л. 34 (55) – 67 (84)] «Предисловия», и основной частью [перебеленные переводы стх. Бабур: она начинается с л. 5 (276/91)], можно считать, потери текста минимальны: от четырех листов (утрачены л. 1–4 в пагинации А.Н. Самойловича) до шести листов (утрачены л. 85–90 в первоначальной, зачеркнутой пагинации архивариуса). Этот минимальный листаж к тому же уменьшается за счет того, что перевод газели № 1 обнаружен в другом месте – л. 6 (86), по нему и приведен в подготовленной нами главе I «Переводы стихотворений Парижского сборника».

Несопоставимо большой разрыв фиксируется в нижн., вторичной пагинации архивариуса: Предисловие заканчивается листом 84, а глава I. «Переводы стихотворений Парижского сборника» начинается с листа 276; получается, таким образом, что пропущено 192 л.!

Между тем объясняется это несовпадением различиями в структуре авторского текста, с одной стороны, и структуре корпуса Д. 82, с другой. Во-первых, по описи архивариуса в состав Д. 82 были включены все подготовительные и черновые материалы к переводу. Черновой, сильно правленный перевод стх., как правило, снабжается соответствующим оригинальным текстом. Именно из-за обилия в работе оригинальных текстов работа была названа архивариусом «Тексты стихотворений императора Бабур и переводы их, сделанные А.Н. Самойловичем». Во-вторых, в корпус авторского текста оказались введены совсем другие материалы, которые показались архивариусу имеющими отношение к публикуемой работе (подробнее обо всем этом см. выше § 1).

Неисправности текста в главе I

«Переводы стихотворений Парижского сборника»: А. № 1–91

1. При отсутствии первых листов главы I и вопреки порядку следования пагинации Самойловича перебеленный перевод газели № 1 удалось обнаружить на л. 122 (462) – 123 (463). Черновой перевод этого стх. Самойлович использовал

в наметках к Предисловию (подраздел II), а размещен этот вариант перевода на л. 5 (85/426) – 7 (87/428).

2. В верх. пагинации дважды повторена нумерация листов 12, 13, 14, между тем как в нижн. паг. соблюден нужный порядок следования листов. См.: 1) л. 12 (287/102) – 14 (290/105); на этих листах размещены стх. № 6–7; 2) л. 12 (291/106) – 14 (293/108); на этих листах находятся газели № 8–9.

3. В авторской пагинации утрачены л. 34–35, и соответственно – перебеленный перевод последнего двустишия стх. № 21 [предполагается опубликовать по черновому варианту: л. 532 (348)] и полностью стх. № 22. Публикуется черновой перевод № 22, обнаруженный в другом месте Д. 82, а именно на л. 532 (348), чагатайский текст этого стх. пронумерован как л. 534 (350).

4. Л. 47 (328/143). В № 34 в предпоследнем двустишии осталось недопереведенным первое полустишие.

5. Л. 62 (381/196). В № 46 и 48 места, оставленные для вписывания более удачных, но отсутствующих вариантов перевода, заполнены за счет варианта из чернового перевода (л. 377/192 и 382/197).

6. Л. 80 (417/232). В № 65 написано только заглавие «65. Влюбленному плаха», для последующего вписывания оставлена большая часть листа и пустой л. 81. Пробел предполагается восполнить за счет чернового перевода, размещенного на л. 419/234 – 418/233.

7. Л. 90 (438/253). В № 74 в последнем двустишии после слов «та роза» представлены отточия – то же см. в изданном чагатайском тексте оригинала (f. 25a), где отточия снабжены сноской «Не читается» (ССИБ f. 25a, с. 33 примеч. 2).

8. Л. 92 (446/262). Перебеленный перевод стх. № 76 в последнем двустишии не дописан, восстанавливается по черновому переводу (л. 449/265), который в свое время чем-то не удовлетворил Самойловича.

9. Л. 97 (468/284). В № 81 в перебеленном переводе пропущено второе двустишие; пропуск восполнен за счет чернового варианта, где именно это двустишие написано карандашом. Обычно это свидетельствует о том, что Самойлович не удовлетворен переводом и собирался каким-то образом его исправить.

10. л. 98 (469/285). № 82 заявлен только заглавием «Бесполезное изнурение»; для последующего вписывания перебеленного перевода оставлена большая часть листа. Предполагается опубликовать по черновому переводу (л. 470–472/288).

Б. № 92–224

1. Для двустишия № 92 отведены два листа – в составе перебеленного перевода [л. 110 (119/450), где значится только заглавие и номер: «Четверостишия и двустишия. 92»], и в составе чернового варианта [л. 188 (528), на котором написаны двустишие № 92 и последующие четверостишия].

2. Л. 182 (522) – 187 (527/540) в № 109 при исправности текста четверостишия первую строку Самойлович بی قید مین و خرابسیم ایرماس مین переводит: «Я беспечен

и разорен; я не [...]». Принят перевод: «Я беспечен и я не разорен», тем более что это соответствует действительности – в Кабуле дела Бабур пошли на лад, с одной стороны, а с другой – такой перевод первой строки вполне согласуется с содержанием второй строки («и я не скряга...»).

3. <Л. 221а> стх. № 136 осталось непереведенным полностью.

4. Л. 221 (562), <л. 221а> и л. 226 (567) в переводах стх. № 134, 137 и 160 пропущены отдельные выражения и оставлены места для последующего вписывания.

5. Л. 233 (574) перевод стх. № 164–165 отсутствует, хотя проставлены их номера и предусмотрены места для последующего вписывания.

6. Л. 231 (572) в двустишии № 170 без перевода оставлено второе полустишие.

7. Л. 236 (577) и л. 234 (575) в двустишиях № 183 и 184 не закончен перевод вторых строк.

8. Л. 234 (575) в четверостишии № 189 оставлено место для последующего вписывания непереведенного выражения в первой строке.

9. Л. 242 (583) в четверостишии № 193 без перевода отставлена последняя строка.

10. Л. 255 (596) в стх. № 199 не переведено последнее полустишие.

11. Л. 249 (590) в 16-м полустишии стх. № 201 оставлено место для вписывания перевода одного выражения.

12. Л. 248 (589) в черновом переводе стх. № 204–205 идут сплошь, без нумерации их.

Как можно видеть, неисправности переводов в главе I имеют неравномерное распределение. На первую часть стихотворений Парижского сборника, состоящую почти сплошь из газелей (№ 1–26, 29–91 – при исключении четверостишия № 27 и двустишия № 28) и в постраничном выражении занимающую 37 с. компьютерного набора, приходится 9 неисправностей.

Вторая часть Парижского сборника содержит 77 четверостиший, 50 двустиший и 8 «образцов коротких Бабуровских месневи» (как пишет А.Н. Самойлович, сделавший эти подсчеты в конце II подраздела Предисловия), в постраничном выражении это около 20 с. компьютерного набора. На вторую часть (при явно меньшем ее объеме по сравнению с первой частью) приходится 11 неисправностей перевода. Из сказанного можно сделать вывод, что над переводом газелей (т.е. над первой частью Парижского сборника) Самойлович, видимо, работал дольше и тщательнее, чем над второй частью этого сборника.

Неисправности в главе II «Переводы стихотворений Рампурского сборника»

Одна из загадок, касающаяся пагинаций «Переводов», состоит в том, что глава I заканчивается листом 261 (602), а глава II начинается листом 124 (464), при этом газель № 1, долженствующая открывать главу I, размещена на л. 122 (469) – 123 (463). Л. 120 (460) отведен под не нумерованное Самойловичем стх. «Смерть – спасены от разлуки». Однако, кроме этого заглавия на л. 120 (460)

более ничего не написано; пустым оставлен и разворот этого сдвоенного листа. Обнаружен также – пустым! – пронумерованный лист 121 (без цифры нижн. паг.); еще один лист 121 (461) включает в себе важную информацию – план Хрестоматии по истории среднеазиатско-тюркской литературы (XI–XX вв.).

По ряду объективных причин (см. выше § 2) исключив из числа публикуемых переводов суфийский трактат *Рисалэ-и Валидие*, отметим неисправности в переводах остальных стихотворений, входящих в состав Рампурского сборника.

1. Перевод стх. № 226–264 выполнен в черновом варианте.
2. Л. 162 (502), 164 (504) в месневи № 226 отдельные слова написаны неразборчиво.
3. Л. 168 (508) в стх. № 227, 228 единичные слова написаны неразборчиво.
4. Л. 169 (509) в стх. № 228 слово написано неразборчиво.
5. Л. 170 (510) в персидских двустишии № 231 и четверостишии № 232 оставлены места для вписывания конца вторых полустиший.
6. Л. 174 (514) в четверостишии № 240 оставлено место для вписывания конца третьего полустишия.
7. Л. 175 (515) в № 242 в третьем полустишии неразборчиво написано одно слово.
8. Л. 177 в последнем полустишии четверостишия № 247 неразборчиво написано одно слово.
9. Л. 179 (519) в двустишии № 254 недописано слово в первой строке; в № 256 в первой строке слово написано неразборчиво.
10. Л. 179а в первом полустишии № 259 два слова написаны неразборчиво.
11. Л. 179а № 260 таит в себе непонятное: «То же».
12. Л. 180 (520) в стх. № 261 отточиями обозначено отсутствие перевода первых строк; далее по одному слову в разных двустишиях написано неразборчиво.

Налицо, таким образом, достаточно большое количество неисправностей перевода, что может свидетельствовать о поспешном завершении работы над стх. № 226–264 Рампурского сборника: фактически здесь по количеству приходится столько же неисправностей на 9 с. компьютерного набора, сколько в группе Б Парижского сборника – на 20 с. компьютерного набора.

Таким образом следует признать, что в публикуемых Переводах с особой скрупулезностью подготовлена первая часть Парижского сборника, содержащая в основном газели Бабура (№ 1–26, 29–91). Подготовка переводов № 92–224 Парижского сборника по тщательности заметно уступает первой части этого сборника. Переводы стх. Рампурского сборника несут на себе следы поспешности в этой работе.

§ 5. О пагинации авторской рукописи в Д. 82

Пагинация в Д. 82 вариантна и сложна. Во-первых, это так называемая верх. паг. (цифры проставлены в верхнем правом углу листа), принадлежащая автору. В том, что это действительно так, убеждает следующий факт. Добавления к

авторскому тексту, сделанные Самойловичем на отдельных листах и сопровождаемые указанием номера листа, к которому они относятся, в точности подходят к соответствующему месту в его тексте.

Во-вторых, это сквозная нижн. паг. Сквозная пагинация всех материалов, хранящихся в Д. 82, осуществлена архивариусом в двух, видимо, разновременных вариантах (из них один – зачеркнутый; дается через косую линию в скобках, где вначале приводится действующий вариант нижн. паг.).

В авторской рукописи у Самойловича нет единой сквозной пагинации, но есть две отдельных авторских пагинации. а) В Предисловии налицо пагинация с л. 6 (7) по л. 67 (84), имеются также дополнительные листы, например 25₂–25₅ и 32а–32г (в обоих случаях замечена произвольность в нумерации этих листов нижн. паг.); б) В главе I представлена самостоятельная пагинация, начинающаяся с л. 6 (276/91); она продолжается без заметных перерывов до л. 109 (513/329). Этим листом завершается перебеленный (в целом) перевод первой части Парижского сборника («Газели»). Продолжением этой пагинации, по-видимому, можно считать пагинацию первой части главы II (см. об этом ниже).

Черновые варианты (мы пользуемся ими в ряде случаев для восполнения пропусков или утрат в перебеленных переводах этой части Парижского сборника) остались, по большей части, за пределами авторской пагинации, а в соответствии с пагинацией архивариуса некоторые из них отнесены к заключительной части Д. 82 – без соблюдения их порядковых номеров. Так, черновой перевод стх. № 22 находится на л. 535/351.

Вторая часть Парижского сборника, представленная, в основном, черновыми переводами, имеет сбивчивую пагинацию. К примеру, после л. 109 (513/329), на котором размещена газель № 91, непосредственно следуют л. 188 (528), на который приходится № 92 и 93; л. 195 (535) – с четверостишиями № 94–98; далее л. 187 (527) – с № 105–106 и л. 182 (522) – с № 107–111.

Такая, казалось бы, беспорядочность авторской пагинации может быть объяснена характером использованной бумаги. Это были большие двойные листы корректуры Академического словаря русского языка¹³. В тяжелых условиях 1918–1919 гг. Самойлович использовал непонадобившиеся листы для переписывания своих черновых переводов: он складывал такие листы пополам (не разрезая) и очень своеобразно их нумеровал. К примеру, на лицевой стороне листа им проставлено 182 (сбоку архивариусом приписано: 522), на обороте листа внизу переводчик приписал 187 (архивариус – 527, а на верхней части этого же оборота листа – еще и 540). Глава I заканчивается листом 261 (602), двестишестым № 224.

Глава II открывается листом 124 (464), и ее первая часть, содержащая религиозный трактат (№ 225), заканчивается листом 161 (501). Вторая часть

¹³ Ф. П. Ашнин привел следующие сведения: Самойлович из года в год «участвовал в редактировании Академического словаря русского языка в отношении слов тюркского происхождения» [14, с. 17].

размещена на листах 162 (502) – 181 (521). В главе II сбоев пагинации по сравнению со второй частью главы I значительно меньше; отметим только, что ни в верх. паг., ни в нижней не учтен оборот листа 178 (518), где размещены переводы стх. № 251–253; нами этот оборот листа обозначен как <л. 178а>.

В целом же можно сказать, что обе пагинации, верх. (авторская) и нижн. (принадлежащая архивариусу), достаточно несовершенны и изобилуют неисправностями, которые в отдельных случаях приводят к путанице, делая при этом авторскую рукопись переводов неудобочитаемой (конкретные примеры перечислены в § 4). Тем не менее, в отдельных спорных случаях при учете показаний верх. и нижн. паг. представляется возможность корректировать последовательность текста авторской рукописи Переводов. К примеру, когда л. 12 (291/106) следует за л. 14 (290), мы вправе полагать, что последовательность нижн. пагинации «290, 291» сигнализирует об опiske в верх. паг.

Работа публикатора в этих условиях была сильно осложнена. В целях возможно полного представления авторской рукописи Переводов, а следовательно – и в целях оптимального извлечения необходимой информации из черновых материалов Самойловича (которые в силу их большого объема, естественно остались за пределами публикации) нами широко применялся прием коррекции перебеленного перевода с текстовыми листами и с черновым переводом каждого данного стихотворения. При этом из-за громоздкости, сбивчивости, запутанности пагинаций приходилось иногда отвлекаться от порядка следования листов в Д. 82 и искать пути реконструкции переводов, исходя из смысла переводимых стихотворений и порядка следования их в изданном тексте ССИБ. В необходимых случаях привлекался также текст БН по изданиям Вев. и Ильм. вместе с переводом М.А. Салье (БН 1958). Такой прием очень помогал в случае любой неисправности текста, как например: пропуск номеров при черновых переводах некоторых стихотворений; отсутствие перевода контекста БН, в котором используется то или другое стихотворение.

Вместе с тем корректировка в необходимых случаях велась и с изданием 1917 г.: (ССИБ. Ч. I – Текст)¹⁴, а также с рецензией Самойловича на издание Рампурского сборника Э. Денисоном Россом.

В целях возможно полного представления объема и характера переводческой работы Самойловича над ССИБ в случаях отсутствия перебеленного перевода используем сохранившиеся черновые варианты. Черновой перевод годится не только для подобных целей, но также для верификации отдельных слов, написанных не совсем разборчиво в перебеленном варианте. См., например в

¹⁴ К примеру, без обращения к тексту стх. № 222 загадка с недописанными словоформами в его переводе была бы неразрешима. При обилии недописанных словоформ в черновом переводе трудно решить без текста, следует ли читать в № 201 «Вспоминаю» или «Вспоминал» (так!). Обращение к тексту помогает и в случае неразборчиво написанных слов, так, в № 179 «элиф» без поддержки текста вполне читаемо как «эмир».

№ 74 [л. 90 (438/253)]: «о каком *вилянье* превратной судьбы?» – сомнительное слово (дано курсивом) вполне ясно написано в черновике (л. 443/258): «о вилянии».

При начале своих Переводов Самойлович стал было писать с заглавных букв метафорические обозначения возлюбленного; мы продолжили это начинание для того, чтобы снять смысловые накладки. К примеру: «Я увидел бы для моей души покой от того *Покоя Души*» (т.е. от Друга) (№ 22); «мой солнцеликий жестокий *Месяц*» (№ 176); «лицо *Розы* обижено бритвой» (№ 194 «С той поры как сняли пушок с его чистой щеки»).

Сохранены такие индивидуальные написания Самойловича, как *хуриподобные* (№ 226) при общепринятом *гурия*. В тех случаях, когда в русской передаче Самойловича написание восточного личного имени (или слова) варьировалось, нами принимался вариант, наиболее близкий к современному общепринятому. Например: вместо *Хосрой*, *Хосреу* принят *Хосрев*, вместо *Невайи* – *Неваи*; вместо *туйуг* – *туюг*. Без каких-либо оговорок исправлялись явные опiski (например, в № 155 *знамением*, в № 158 *скорбь*, в № 240 *меджун* вместо «меджнун»).

§ 6. Значение корпуса Переводов собрания стихотворений Бабура для исторической тюркологии

Переводам А.Н. Самойловича – 85 лет (два десятилетия они пролежали без движения при его жизни, после его гибели прошло 65 лет, как они находятся в архиве «в фазе покоя»), тем не менее они не утратили своего значения и актуальности по сей день.

Из 85-летнего небытия возрождена большая работа, извлеченная нашими трудами из 612-страничной архивной рукописи с громоздкими, запутанными и сбивчивыми разновременными пагинациями Самойловича и архивариусов; разнобой в верх. и нижн. паг. наглядно показывает, какие трудности приходилось преодолеть в подборе и разыскании листов перебеленного перевода, замене недостающих листов черновыми вариантами и т.п.

Переводы имеют значение для дальнейшего развития следующих отраслей тюркологического знания.

1. Для исторической тюркологии в целом и источниковедения в частности эта работа знаменует собой выполнение важнейшего пункта той эдиционно-исследовательской программы, которая была декларирована Самойловичем уже в 1914 г. при издании текста, перевода и исследования *Книги рассказов о битвах текинцев* [1, с. XIV]. Ученый видел свою первоочередную задачу «в опубликовании и переводе неизданных памятников и во всестороннем обследовании их».

Изданием *Собрания стихотворений императора Бабура. Ч. I – Текст* Самойлович ввел в научный обиход открытую им рукопись, включающую

большую часть поэтического наследия средневекового писателя (туркестанский и афганистанский периоды), а также ставший уже к тому времени раритетным небольшой Рампурский сборник поэта, изданный Э. Денисоном Россом. В 1917–1919 гг. «главную часть» в замыслах Самойловича составляли перевод и «язык стихотворных произведений Бабура, вошедших в настоящее издание» (Д. 100. Л. 2а). В составе Д. 87 «Черновые материалы к работам о творчестве Бабура» сохранился рукописный план на этот счет:

«План работы вчерне.

1) Точный филологический перевод с установлением возможного единообразия в передаче терминов, оборотов и выражений.

2) Словарь тесно связанный с текстом¹⁵.

3) Грамматический материал, извлеченный из текста, морфологическо-синтаксический. <...>» (РНБ. Ф. 671. Д. 87. Л. 1).

Исследование по критике текста и, можно считать, почти полный корпус Переводов ССИБ представлены в архивном труде А.Н. Самойловича, который призван был составить II часть его издания ССИБ.

2. Для истории литературы публикация корпуса Переводов открывает практическую возможность объективной оценки места и вклада Бабура-поэта в историю средневековой поэзии. Во всяком случае, бытующее мнение о поэтическом мастерстве Бабура как «вершине на пути развития классической тюркоязычной поэзии Средней Азии» [10, с. 4, 180–181]¹⁶ идет вразрез с взглядом А.Н. Самойловича, этого признанного авторитета в области средневековых среднеазиатско-тюркских литератур, на Бабура более как на «поэта чувства», чем «поэта формы» (Д. 100. Л. 2б).

Приведем суждения А.Н. Самойловича из его архивных рукописных работ: «Стихи Бабура не оригинальны: они полностью восходят к стихам Неваи¹⁷. Однако между стихами Бабура и Неваи все же есть разница. Бабур приемлет не

¹⁵ Мысль о поэтическом словаре Бабура сильно занимала А.Н. Самойловича, о чем говорят его записи в Д. 87 (РНБ. Ф. 671): «Для чтения <слово нрзб.> чагатайской поэзии существующие словари малоработаны. Первая задача исследования поэзии – дать материал для словаря» (л. 7). «Стихи Бабура свидетельствуют о разгроме, нанесенном турецкому языку в Средней Азии на протяжении предыдущих столетий XI-XV (5 веков) персидским и арабским языком» (л. 1а). «У Бабура значительно меньше турецких элементов в словаре, чем у Абду-с-Саттара, но, пожалуй, несколько больше, чем у Неваи» (л. 4б). Возможно, что наметки к понятийному словарю, тесно связанному с текстом лирики Бабура, можно усмотреть в нижеследующих записях: «1. Возлюбленный: 1. یار 1, 2; 2. جان 2?; 3. آی 2, 3, 6; 4. رفیق 6; 5. همدم 6; 6. حبیب 7.2. Любовник عاشق 9.3. Противник 1. اعیار 1; 2. رقیب 6.». «Словарь, тесно связанный с текстом», был составлен Самойловичем для одной из частей ТЭ, а именно в статье «К какой из турецких литератур относить роман XIII века «Иосиф и Зулейха»? [2, с. 23–47].

¹⁶ Можно назвать ряд стихотворений (например, № 146–147), которые вряд ли позволительно отнести к «вершинным».

¹⁷ Возвращаясь к этому своему заключению, Самойлович пишет далее (имея в виду, скорее всего, рифму): «Несомненное творчество, хотя и подражательное: اینکی مینکی یوزی سوزی и т.п. на почве родного языка» (РНБ. Ф. 671. Д. 87. Л. 6б).

всего Неваи; он отвергает 1) его вычурность, 2) его некоторую грубость, 3) его некоторую ученую сухость. Короче, Бабур пишет проще, чем Неваи, и эта простота подкупает читателя более, чем сложная техника Неваи» (РНБ. Ф. 671. Д. 87. Л. 1). «Я нахожу больше общего между Неваи и поэтами новочагатайского периода, группировавшимися около Кокандского и Хивинского дворов, чем между Неваи и его современниками: Хусейни, Бабуром. Последние вместе с Лутфи представляются мне более поэтами чувства, чем поэтами формы, поскольку дело касается мелких произведений в роде газелей» (Д. 100. Л. 26).

3. В плане изучения творчества Бабура введение в научный оборот полного перевода ССИБ открывает новые возможности, позволяя литературоведу сосредоточиться на выявлении не только традиционных поэтических мотивов в различных их комбинациях. Открывается беспрепятственный путь к познанию нетрадиционных мотивов в лирике Бабура – автобиографических и жизненно-ситуативных и потому имеющих общечеловеческую ценность. До настоящего времени наличие таких мотивов в его лирике признавалось, но с существенными ограничениями. «Газели Бабура отражают действительность в той мере, в какой это можно было сделать, не нарушая эстетических норм классической тюркоязычной поэзии» [10, с. 200]. Однако Бабур, этот «царь-бродяга», как он себя называл, совсем не боялся «нарушить эстетические нормы классической тюркоязычной поэзии». Уже в конце жизни, рассказывая о событиях года 932 (1525–1526), он совершенно откровенно написал: «Раньше все, что мне только ни приходило в голову – хорошее, дурное, веселое и забавное, иногда в виде шутки, выражал в стихах, и все стихи, даже скверные и грубые, записывал. В дни, когда я сочинял “Мубейин”, в мой слабый ум пришла такая мысль и в скорбное сердце запала такая дума:

Жаль, что с языка сходят столь [благородные] речения, а мысли тратят на скверные слова;

Печально, что в сердце, где возникают возвышенные помыслы, проходят столь грубые образы» (Bev. 252б–253а; БН 1958, с. 295).

Пример нетрадиционного соположения слова, принадлежащего к разряду высокой поэтической лексики («ангел»), и просторечного фразеологизма «разбить голову» (при выражении упорства и упрямства) см. в Переводах: № 88 «Голос опыта»: «Ходя, как безумный, я бьюсь головой о твою дверь; О Ангел! допусти к общению к тобою: ведь *голову разобью*, а не уйду!».

Из нетрадиционных мотивов, представленных в Переводах можно назвать, к примеру, следующие:

1) «Царь-бродяга» № 40, см. также № 109 («Вы говорите: Бабур поселился в Кабуле; Не говорите так: ведь я неусидчив»);

2) «Голубые» сюжеты № 19, 30, 38, 84, 194;

3) Критическая оценка партнера – № 71 «Отрезвись!» («Что за мысли твои мысли! То не мысли, пустота!»). Несовместимость характеров – № 49 («Нрав твой нежен, и ты строптив, я <же> – грубый безумец»);

4) Самоирония – № 143 («В твоих стихах... Каждое слово – перл, а в нем море смысла. Кто видал перл, в котором было бы море!»);

5) Гражданственность – № 236 («Ради ислама, я скитался по долинам, Я воевал с неверными и индийцами. Я решил про себя погибнуть, Милостию Божией я стал газием»), № 50 («Служба царю в надежде и страхе Не стоит брани и палок его привратника»), № 25 («войны и распри, <...> всё ни к чему»), № 129 (отношение к победившему врагу);

6) Наставления, сентенции, афоризмы – № 77 («Надо забывать тех, кто нас забывает»), № 86 («будь налегке, если хочешь покоя»), № 111 (соединение друзей – «считайте счастьем, все вы собрались»); № 80 («Никогда любовь не сходится с мудростью»), см. также № 84. Четверостишие-наставление № 238, по всей вероятности, связано с автобиографическими обстоятельствами поэта:

«Быть загрязненным сотней десятков тысяч грехов,
Подвергаться сотне страданий и десятку тысяч мучений
Гораздо лучше, по мнению мудрецов,
Чем огорчать отца и бунтовать».

В событиях года 933 (1526–1527) имеются сведения о том, что сын поэта Хумаюн, прибыв в Дихли, отпер некоторые книгохранилища и незаконно завладел ими. «Я никогда не ожидал этого от Хумаюна, и у меня стало крайне тяжело на душе. Я написал Хумаюну письмо с очень суровыми увещаниями» (Bev. 3496; перевод: БН 1958, с. 376). В выписках из БН, сделанных в 1915 г., Самойлович так отреагировал на это происшествие: «Хумаюн – вор!» (РНБ. Ф. 671. Д. 85).

7) Мотив «собаки Друга»¹⁸ – № 55, см. также № 91 («Я твой пес! Прикрепи к моей шее цепь твоих кудрей!»);

8) Зимний пейзаж – «зимнее» самочувствие – № 124 («Зима настала, и стали все дома и камни в снегу... В эту зиму плохи дороги, и положение мое расстроено»);

9) «Мы остались при старчестве и преданы старчеству» – № 230; см. также 128 (и трогательная деталь: «Апельсин послал тебе¹⁹ чтобы знал ты: Уже, значит, что вот как пожелтел Бабур»); № 225 («Я очень медлителен, а путь крайне далек. Жизнь весьма коротка, и дорога длинновата»). Бессонница – № 247, 39.

10) «Чужбина сокращает эту мою дорогую жизнь» – № 246, см. также № 237; «Тоска по дыням и винограду» – № 256 (хотя есть в изобилии гранаты и апельсины, см. Bev. 2456).

11) «Тоска земного владыки о праведной жизни» – № 226, № 250, см. также начало *Рисалэ-и Валидие*, № 225 («Мне, беспутному, укажи такое направление,

¹⁸ Мотив собаки содержится также в туюге № 9 Эмири: «Своре <твоих> собак я служил, И «верный» дали мне имя» [15]. Ср. также есенинское «Собаке Качалова»: «Дай, Джим, на счастье лапу мне...».

¹⁹ О том, как Бабур, находясь в Хиндустане, раздавал своим приближенным апельсины из сада Баг-и Вафа, см. в событиях года 925 (1519): Bev. 2456.

которое привело бы меня к цели»), № 152, 230 («Я, заблудший, погубил жизнь в страстях. Я стыжусь собственных поступков пред людьми Божьими»);

12) Отказ от винопития, страдания по вину – № 241–243 («Как бросил вино, смущен я....Все люди каются и приносят покаяние. Я покался и <в том> раскаиваюсь»), № 257 («Хотя вино является причиной сотни смут и сотни грехов, Разлука с вином погубила меня. Ах, вино!»). См. также № 110, 112.

В черновых заметках Самойловича по поводу как изданного текста ССИБ, так и подготовленных Переводов, можно найти интересные наблюдения над тематическим единством газели или его отсутствием: «В одних газелях Бабура налицо единство темы («Платок», <№ 68>), в других – по-видимому, несколько?» (РНБ. Ф. 671. Д. 87. Л. 66).

Перечисленные выше нетрадиционные мотивы, выявленные благодаря обращению к корпусу «Переводов», могут обогатить семантику не только газелей, но и всей лирики Бабура в целом.

При изучении нетрадиционных мотивов его лирики обращение к соответствующим контекстам прозаического БН в ряде случаев могло бы демонстрировать разный характер отражения одних и тех же жизненных ситуаций в различных литературных жанрах.

4. Наличие корпуса Переводов ССИБ открывает подступы к разработке новой проблематики, связанной с изучением поэтического ономастикона средневекового писателя. До введения в научный оборот всего корпуса Переводов ССИБ заниматься этой проблематикой было бы крайне затруднительно, прежде всего, из-за отсутствия традиционных способов членения текста – пунктуации, в данном же случае – особенно отсутствия заглавных, прописных букв (или подчеркивания любых имен собственных) в средневековом арабографичном памятнике. В этих условиях опознание любых имен собственных становится работой очень трудоемкой. Как показало предварительное изучение, ономастический материал в лирике Бабура очень небогат и по своей выборочности весьма своеобразен. Мотивация этой выборочности, ее характер не связаны с задачей представления реального географического пространства, в котором находится лирический герой. Изучение этой проблематики позволяет говорить о нацеленности поэтического ономастикона Бабура на отражение традиционной системы этно-культурных ценностей ближневосточного региона и о сознательной ориентации поэта на эту систему ценностей в его ранней лирике. В поздней лирике Бабура находим частичное сохранение ближневосточной ориентации в соединении с самым общим (без конкретизации!) отражением географического пространства Хиндустана (см. [16]); на реальность такого межнационального сплава может указывать и тот факт, что у Бабура имеется, по выражению Самойловича, «урду-турецкое смешанное двустиишие».

Полученные сведения существенны как для истории средневековой среднеазиатско-тюркской литературы вообще и разного характера отражения этно-культурных ценностей в различных литературных жанрах, так и для понимания путей развития поэтического творчества Бабура, в частности.

Принятые сокращения

А. Источники

БН – Захир эд-Дин Мухаммед Бабура. *Бабур-наме*.

БН 1958 – *Бабур-наме. Записки Бабура*. Пъревод М. Салье, Ташкент 1958, 529 с.

Bev. – *The Bābar-nāma*. Ed. by A.S. Beveridge. Leyden – London 1905.

Ильм. – *Бабер-наме или Записки Султана Бабера*. Изд. в подлинн. тексте НИ. [Ильминским], Казань 1857.

ССИБ – Самойлович А.Н., *Собрание стихотворений императора Бабура. Ч. I – Текст*. Петроград, 1917, 34 + 90 с, с тремя факсимиле (Изд. фак-та вост. языков Петроградск. ун-та, № 44).

Д. 82 – *Тексты стихотворений императора Бабура и переводы их*, сделанные А.Н. Самойловичем. С предисловием А.Н. Самойловича (Автограф чернилами и карандашом, 612 листов, в: РНБ. Ф. 671. Д. 82).

ТЭ – Самойлович А.Н. *Турецкие этюды*. (Исследования по истории среднеазиатско-турецких литератур и языков) (Автограф, 839 листов, в: РНБ. Ф. 671. Д. 100). Д. 100 – ТЭ.

Б. Текстовые сокращения

верх. паг. – верхняя пагинация Д. 82, принадлежащая А.Н. Самойловичу.

нижн. паг. – нижняя пагинация Д. 82, поздняя, принадлежащая архивариусу.

РНБ – Российская национальная библиотека в С.-Петербурге (Отдел рукописей).

стх. – стихотворение.

Литература

1. Абду-с-Саттар казы. *Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма*. Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А.Н. Самойлович. СПб., 1914, XXII, 157, 82с. + 55с. арабск. пагинации (Изд. фак-та вост. язков СПб. ун-та, № 34).

2. Самойлович А.Н. *К какой из турецких литератур относить роман XIII века «Иосиф и Зулейха»?* Подг. текста и публикация, вступит, статья и комм. Г.Ф. Благовой, в: РО. 2001, t. LIV, z. 2, с. 5–53.

3. Благова Г.Ф. *Эдиционнo-исследовательская методика в трудах академика А.Н. Самойловича*, в: РО. 2000, t. LIII, z. 1, с. 79–96.

4. Благова Г.Ф. *История среднеазиатско-тюркских литератур и история литературных языков в трудах А.Н. Самойловича послеоктябрьского периода*, в: ВЯ, 2002, № 5, с. 96–115.

5. Дмитриева Л.В. *Материалы к описанию рукописного наследия А.Н. Самойловича*, в: *Тюркологический сборник 1974*. М., 1978 (далее – ТС 1974), с. 293–302.

6. *Тексты стихотворений императора Бабура и переводы их, сделанные А.Н. Самойловичем. С предисловием А.Н. Самойловича*, в: Восток, 1997, № 6, с. 125–128.

7. Благова Г.Ф. *Академик А.Н. Самойлович и изучение литературного наследия Захир эд-Дина Мухаммеда Бабура*, там же, с. 120–125.

8. Denison Ross E., *A Collection of Poems by the Emperor Babur*, в: “Journal and proceedings of the Asiatic Society of Bengal”, Vol. VI, Extra №, Calcutta 1890, pp. VI+43.

9. *Зап. Вост. отд. Русск. Археолог. об-ва*. Т. XX (1910), вып. 1, 1911, с. 093–0101.

10. Стеблева И.В., *Семантика газелей Бабура*. М., 1982, 327 с.

11. Благова Г.Ф. *Академик А.Н. Самойлович и его Турецкие этюды (Из архива незаконченных работ-рукописей)*, в: РО, t. LII, z. 1, 1999, с. 37–60.
12. Самойлович А.Н. *Новый перевод Записок Бабура*, в: Известия АН. Сер. лит-ры и яз. 1994, Т. 53, № 1, с. 76–84.
13. Благова Г.Ф. *А.Н. Самойлович – исследователь «Бабур-наме»*, в: Известия АН. Сер. лит-ры и яз., 1994, Т. 53, № 1, с. 72–75.
14. Ашнин Ф.Д. *Александр Николаевич Самойлович. 1880–1938*, в: ТС 1974, с. 8–27.
15. Самойлович А.Н. *Из туюгов чагатайца Эмири*, в: Доклады АН. Сер. В, 1926, май-июнь, с. 75–77.
16. Благова Г.Ф. *Поэтический ономастикон Бабура (рубеж XV–XVI веков)*, в: Материальные и духовные основы калмыцкой государственности в составе России. Материалы Международной научной конференции (22–25 мая 2002 г.). Ч. 1. Элиста 2002, с. 29–30.